

БИТВА НА СИНИХ ВОДАХ — ФАКТ ИЛИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ?

Аннотация: В статье с позиции историковеда рассматривается Синеводская битва. Обобщаются факты, на основании которых можно воссоздать картину политической жизни в Подолии, Киеве

и на Брянской земле третьей четверти XIV в.

Ключевые слова: Синие Воды, Белобережье, Литва, Брянское княжество, летописи, Орда, Подолье.

Синеводская битва, которая якобы произошла на реке Синюхе, притоке Южного Буга, в 1362 г., давно и обширно представлена в исторических работах. Только некоторыми исследователями ее реальность подвергалась сомнению. Проблема в том, что на основе этого «факта» строятся разветвленные реконструкции истории Южной Руси и Северного Причерноморья XIV в. Однако это представляется методологической ошибкой, противоречащей принципам историковеда.

Обзор весьма богатой историографии по данной проблеме в настоящей работе приведен не будет, это само по себе является темой отдельной большой работы — будет попытка показать, что мы можем увидеть при изучении источников. С одной стороны, следует показать характер источников, в которых говорится об этом событии, с другой — рассмотреть события на тех землях, с которыми связаны сообщения о Синеводской битве.

Повесть о Подолии

Исходным источником о Синеводской битве является летописная «Повесть о Подолии». На ее основе были составлены сообщения в Хронике Быховца¹ (начало XVI в.), Хронике Стрыйковского² (издана в 1582 г.), Густынской летописи³ (начало XVII в.). В историографии присутствует описание битвы, взятое из Хроники Стрыйковского, а год события (1362 г.) заимствован из Густынской летописи. При этом сравнение текста однозначно показывает, что все эти три известия являются вторичными по отношению к «Повести», а добавленные подробности могут быть результатом авторской обработки, что в целом характерно для всех трех произведений.

¹ ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 139.

² *Maciej Strzykowski. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi.* Warszawa, 1846. Т. II. С. 6–7.

³ ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003. С. 130.

Текст «Повести о Подолии», помещенной в Супральской летописи (составлена в начале XVI в.): *«Коли господар был на Литовскои земли князь великы Олгирд и, шед в поле с литовьскимь воискомь, побилъ татаров на Синеи воде, трех братьов: князя Хочебиа, а Кутлубугу, а Дмитрея. А то си три братья, татарскыя князи, отчичи и дедечи Подолскои земли, а от них заведали втамони, а боискаки, приездяючи от них утамонъв, имывали ис Подольскои земли дань. А братъ великого князя Олгирдов держав Новьгородн Литовскыи, князь Коръять, а в него были четыри сыны: князь Юрьи а князь Александро, князь Костентин, князь Федор. Ино тыи княжятя Коръятевечи три братья: князь Юрьи а князь Александр, князь Костентин и князь Федор со князя великого Олгирдивым презволениемъ и с помочию Литовския земли пошли в Подолскую землю. И тогда в Подолскои земли не былъ ни один город ни деревомь рубленого, а ни каменем будованого. И тогда тые княжятя Корятовичи пришли в Подолскую землю от татар, и боскакомь выхода не почали давати. И на первое нашли собе твержю на реце на Смотрити, а в другомь месте были черници в горе, и в томь месте наредили город Бакоту. И ловячи в ловех пригодилося имъ так: угонили много оленей в тот остров, где ныне Каменское место лежить. И посекиши лесъ город муровали Каменець, а ис того вси Подолскии города умуровали и всю землю Подолскую осели»⁴.*

Сразу можно заметить, что географической привязки битвы в этом источни-

⁴ ПСРЛ. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М., 1980. С. 66.

ке нет (по тексту она скорее находилась вне Подолии, раз поход Кориатовичей описан как отдельная операция). Не указано, участвовали ли в ней Кориатовичи. Не указан хронологический разрыв между битвой и приходом Кориатовичей в Подолию. Привязка битвы к месту где-то рядом с Подольской землей («миновав Канев и Черкасы»), сведения об участии в ней Кориатовичей и ряд других «подробностей» появляются только у Стрыйковского.

Исследование «Повести о Подолии» было осуществлено С. В. Полеховым⁵. Эпизод с Синеводской битвой там не разбирается, факт ее существования признается со ссылкой на Рогожский летописец (об этом ниже). Однако, при этом подробно рассмотрен характер всей повести. Написана она была в Литве в период 1431–1432 гг. По ходу сопоставления с другими источниками обнаруживается большое количество неточностей и искажений, которые объясняются идеологическими задачами и литературным стилем. Уже относительно самого начала повести (в приведенном выше отрывке) можно отметить, что города существовали в Подолии и до прихода Кориатовичей; у Кориата было не четыре сына, а минимум семь; дань татарам сохранилась. Далее там вводится сюжет о сватовстве к дочери польского короля Казимира, чего быть не могло. Не соответствуют реальности сведения о том, что князь Федор Кориатович владел Новгородком-Литовским (совр. Новогрудок), а в Подолии он появил-

⁵ Полехов С. В. 1) Летописная «Повесть о Подолье». Ч. 1 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1 (55). С. 33–42; 2) Летописная «Повесть о Подолье». Ч. 2 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56). С. 49–62.

ся только после смерти своих братьев. В Повести говорится, что после возвращения Западной Подолии Витовту (1411 г.) последний поставил старостой «дворенина своего Грановского», т.е. польского пана Винцентия из Гранова (умер в 1410 г., на службе у Витовта не состоял). И это только то, что достоверно удалось установить по информации других источников.

«Повесть о Подолии» — это полемическое произведение, созданное с насущной идеологической задачей показать, что Подолия была завоевана у татар, обустривалась и защищалась силами Литовского государства. Сознательные искажения реальности могут быть отмечены даже по отношению к событиям, отстоящим от времени создания Повести всего на пару десятилетий. Если нет оснований говорить, что в Повести были выдуманные персонажи, то описание их деятельности может не соответствовать действительности. В этом контексте становятся бесперспективными попытки найти имена трех татарских князей в других источниках того времени, так как тот факт, что это были реальные личности, сам по себе не доказывает реальность описываемых в Повести событий. К тому же фраза о «трех братьях» уже намекает на возможность литературного конструкта (ее так и понимают, не стараясь найти именно братьев, но при этом принимают за факт упомянутую в Повести деятельность этих князей).

С позиции источниковедения «Повесть о Подолии», полемически искажая реальные события, не может являться самостоятельным источником фактов, особенно ее первая часть. Можно только на основе других источников попытаться понять,

знания о каких событиях использовал автор при составлении текста.

«Синю воду и Белобережье повоевал»

После «Повести о Подолии» следует рассмотреть сведения Рогожского летописца. Он известен по списку второй четверти XV в., по отношению к XIV в. отражает тверской вариант «общерусского» летописного свода 1408 г.

Под 1363 г.: *«того же лета литва взяли Коршев и сотворишася мятежи и тягоста людем по всей земли. Тое же осени Олгерд Синю воду и Белобережье повоевал»*⁶. Летописное «воевал», начиная с самых ранних летописных сводов, означало, как правило, «опустошал местность». То есть эта формулировка сама по себе ни захватов территорий, ни осад, ни сражений, ни даже боевых стычек не подразумевала. Нет указаний на то, что это был поход на татарские земли, или на то, что он сопровождался столкновениями с татарами. Нет также прямой географической привязки событий (в какой «земле» происходили). Поэтому важно посмотреть на предшествующие события, описанные в летописи.

Расположение упомянутого летописцем города Коршев можно примерно установить. Под 1362 г. описывается распространение чумы: *«того же лета бысть мор на люди в Орде, так по ряду пошел и по русским городом в Новосиле, и в Коршеве и в Брянске и по иным местам и на Коломне»*⁷. То есть Коршев должен

⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Петроград, 1922. Стб.75.

⁷ Там же. Стб. 73.

был располагаться где-то на линии между Брянском и Новосилем, поскольку только такое расположение может объяснить последовательность («по ряду пошел») распространения чумного мора со стороны Орды. Этот город обычно отождествляют с «Коршовом на Сосне» из «списка русских городов», который, видимо, находился к юго-востоку от Новосила на правом притоке Дона, реке Сосне. В настоящее время эта территория считается принадлежавшей князьям Елецким, служившим великим князьям рязанским, но о столкновениях в 1363 г. воинов Ольгерда с рязанцами источники умалчивают. Поэтому можно с достаточной степенью уверенности предположить, что подразумевался не этот малозначительный населенный пункт, а удельный «княжий» город Карачев, который как раз и располагался между Брянском и Новосилем.

Как полагает А. А. Горский, фраза «мятежи по всей земле» могла относиться только к большой территории, то есть ко всему Чернигово-Брянскому княжеству (Северской земле), а «Коршев» якобы являлся родовым гнездом Марии Корчевской, жены черниговского (брянского) князя Романа Михайловича. Поход Ольгерда на Брянскую землю Горский связывает с тем, что в 1363 г. московский митрополит Алексей совершил поездку в Литву, по окончании которой был поставлен владыка в Брянск (при том, что Алексей ни тогда, ни в другие годы не ставил епископов в епархиях на подчиненных Ольгерду землях)⁸. Следует отметить, что,

⁸ Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV вв.) // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 91.

согласно последней публикации черниговского княжеского помянника в составе одного из синодиков Киево-Печерской лавры, супруга Романа Михайловича именуется Мария Корачевская⁹. То есть летописный Коршев можно с большой долей вероятности соотнести с Карачевым.

Если данная идентификация летописного Коршева как Карачева верна, то уже в 1363 г. козельско-карачевские князья, судя по всему, потеряли добрую половину территории своего княжества. Что, вероятно, вынудило козельского князя Тита пойти на роль младшего союзника великого князя рязанского Олега-Иакова Ивановича. В 1365 г. князь Тит Козельский успешно помогает рязанцам великого князя Олега в разгроме эмира Тагая в битве под Шишевским лесом¹⁰, но до 1368 г. он умирает, оставив нескольких сыновей (трое известны по именам — Иван, Святослав, Федор). Вероятно, осенью 1368 г. старший из братьев, Иван, присягает Ольгерду, когда последний движется на Москву через земли Верхнеокских княжеств. Однако, вскоре он бежит в Москву, нарушив присягу великому князю литовскому, воспользовавшись, по всей видимости, походом московской рати на верховские брянские эксклавы весной 1370 года¹¹. Подобный вариант развития событий реконструируется на основании сведений, содержащихся в известном письме Ольгерда патриар-

⁹ Поменник Введенської церкви в Ближних Печерах Києво-Печерської Лаври / Упорядкування та вступна стаття Олексія Кузьмука // Лаврський альманах. Вип. 18. Київ, 2007. С. 18

¹⁰ ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 5; ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 104.

¹¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 92.

ху Филофею, датированном 1371 г., с жалобами на самоуправства «москвитян»¹². Интересно, что среди захваченных людьми великого князя Московского волостей и городов Карачев не упомянут, что может свидетельствовать в пользу его присоединения к ВКЛ еще до 1368 г. С другой стороны, в письме говорится об измене некоего «нагубника» Василия, бежавшего в Москву, несмотря на крестное целование и поручительство какого-то (скорее всего, брянского) епископа. Судя по всему, в «нагубнике» Василии следует видеть карачевского наместника великого князя литовского, а это значит, что Карачевская волость к 1371 г. была лишена даже остатков суверенитета, в отличие от Козельского, Вяземского и Новосильского княжеств.

Еще осенью 1356 г. Ольгерд совершил походы на Смоленск и Брянск¹³, начав активную политику по их подчинению в противостоянии с Московским княжеством. Масштабные военные действия Ольгерда против Смоленского княжества отмечены под 1359 г.¹⁴ В 1356–1360 гг. Литва вела боевые действия за Ржевское княжество (северная часть Смоленской земли), в которые напрямую вмешивались московские войска¹⁵. Можно отметить также литовско-тверскую пограничную войну 1361–1362 гг.¹⁶ В 1365 году в ходе очередной литовско-смоленской войны Ольгерд совершил масштабный поход на Смоленск¹⁷, в результате чего Смоленское княжество вошло в сферу его влияния.

¹² Русская историческая библиотека. Т. 6. Прил. № 24. Стб. 136–140.

¹³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 65.

¹⁴ Там же. 67–68.

¹⁵ Там же. 65, 67–69.

¹⁶ Там же. Стб. 72–73.

¹⁷ Там же. Стб. 78–79.

Одновременно с усилиями великого князя литовского по превращению Смоленской земли в зависимое от ВКЛ государственное образование происходило и подчинение Брянского княжества. Интересно, что упомянутые выше события вокруг Смоленска тесно связаны с Брянским княжеством. По предположению А. Горского, Брянск в конце XIII века был передан ханом Токтой князю из смоленской династии Ростиславичей¹⁸. Однако следует отметить, что существует и альтернативная точка зрения Д. Н. Александрова — о том, что до середины XIV столетия в Брянске продолжали княжить представители местной династии черниговских Ольговичей¹⁹. Полагаем, что несколько прояснить ситуацию поможет обращение к одному источнику, введенному в научный оборот еще А. Г. Кузьминым, но до сих пор не опубликованному и в достаточной мере не оцененному. Речь идет о выписках из несохранившегося синодика Духовского монастыря Переяславля-Рязанского в составе рукописного сборника «Рязанские достопамятности» первой редакции²⁰. В отличие от многих других помянников, Духовский синодик содержит, кроме простого перечня княжеских имен, немало другой информации — ряд лиц записаны с отчествами, у некоторых ука-

¹⁸ Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV вв.) // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 78–79.

¹⁹ Александров Д. Н. Феодалная раздробленность Руси. М.: Экслибрис-Пресс, 2001. С. 206–213; 293–297.

²⁰ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965. С. 48–54.

заны имена жен, удельные прозвания. Кроме собственно рязанских, пронских и муромских князей, в источнике упомянуты и их родственники из других ветвей Рюриковичей, в частности, черниговские Ольговичи. В синодике для поминания были в том числе записаны «*Михаил и княгиня его Феодосия, и сыны его Роман и Константин и княгиня его Анна*». Далее в тексте значится князь Александр Константинович, чье время деятельности маркируют записанные рядом имена великого князя рязанского Ивана Ярославича и великого князя тверского Михаила Ярославича (оба убиты в Орде соответственно в 1328 и 1318 гг.). Наконец, еще ниже поминается князь «*Ярослав Дмитрий Черниговский и сын его Роман*» в окружении князей, живших уже в середине XIV столетия²¹. Как нам представляется, эти княжеские имена принадлежат владетелям Чернигова и Брянска середины XIII — середины XIV вв. Не касаясь в данной работе проблемы происхождения князя Михаила, его сыновей Романа и Константина можно отождествить с достаточной степенью уверенности. Первый — известный по сообщениям Галицко-Волынской летописи и родословным источникам князь Роман Михайлович Черниговский и Брянский, второй — его брат, упоминаемый в помянниках черниговских князей²². Запись имени князя Александра Константиновича, по нашему мнению, позволяет решить проблему происхождения чернигово-брянских князей XIV в., кото-

²¹ ОР РГБ. Ф. 256. Собрание графа Н. П. Румянцева. № 98. С. 39.

²² Поменник Введенської церкви в Ближних Печерах Києво-Печерської Лаври / Упорядкування та вступна стаття Олексія Кузьмука. С. 17.

рые до недавнего времени считались потомками Романа Михайловича Брянского. Полагаем, что именно Александр Константинович записан в черниговских княжеских помянниках под именем загадочного «*Великого князя Черниговского, инока Леонтия, оставившего двенадцать тем людей*»²³. Этого князя в исторической литературе обычно считают одним лицом с Олегом Романовичем Брянским, однако форма записи в источнике говорит о двух разных лицах. Князя Ярослава-Дмитрия Черниговского, видимо, следует отождествить с князем Дмитрием Брянским, зимой 1333/34 г. приходившим со своими людьми и «с татарами» под стены Смоленска²⁴. Судя по всему, он был сыном князя Александра Константиновича. Поминание князя Дмитрия Черниговского вместе с сыном позволяет предположить, что князь Роман Дмитриевич умер в сравнительно молодом возрасте, но у него, похоже, осталось потомство. Сыном этого Романа возможно считать загадочного князя Дмитрия Романовича, о чьей смерти в Твери под именем инок Прокопия 12 октября 1414 г. сообщает Тверская летопись²⁵. Польский историк С. М. Кучинский полагал Дмитрия-Прокопия сыном черниговского и брянского князя Романа Михайловича, убитого в Смоленске по приказу Юрия Святославича в 1401 году, но источникам известен лишь единственный сын Романа Михайловича — Семен²⁶. Не исключе-

²³ Там же.

²⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 47.

²⁵ ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863. Стб. 486.

²⁶ *Kuczyński S. M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy // Праці Українсь-*

но, что именно Дмитрий Романович был записан как «*Великий князь Дмитрий Черниговский*» вместе с братом Иваном в черниговских княжеских помянниках в ряду других князей конца XIV — начала XV вв. Упомянутые в тех же источниках «*Великие князья Черниговские*» Михаил Александрович и его вероятный сын Роман Михайлович представляли другую линию потомков Константина Михайловича²⁷.

Этот генеалогический экскурс приведен нами для того, чтобы попытаться высветить истоки многолетней «брянской смуты», приведшей в конце концов к потере брянскими князьями суверенитета и вхождению Брянской земли в состав великого княжества Литовского. По всей видимости, у скончавшегося в одном из брянских монастырей в самом конце XIII или начале XIV вв. князя Олега Романовича Брянского не осталось наследников мужского пола. Зачастую в подобных случаях русские князья предпочитали завещать удел близким родственникам по женской линии (зятья, племянники), чем отдавать наследство «братии» более отдаленного родства²⁸. Видимо, именно таким родственником оказался смоленский князь Святослав Глебович, что косвенно подтверждается записью Олега Романовича «Дебрянского» рядом со Святославом Глебовичем и его сыновьями в Успенском

синодике²⁹. Против передачи брянского стола смоленскому князю выступил Александр Константинович, приходившийся Олегу Брянскому двоюродным братом. Вся дальнейшая история смоленско-брянских отношений в первой половине XIV в. несет на себе четкий отпечаток борьбы за «брянское наследство» между смоленскими претендентами «по веретену» и черниговскими Ольговичами, отстаивавшими традиционное право наследования «по мечу», то есть по мужской линии. К середине XIV столетия черниговско-смоленское соперничество, по-видимому, усугубилось и династическими распрями уже среди самих брянских Ольговичей, чем не замедлили воспользоваться их «конкуренты» — смоленские Ростиславичи. В 1357 г. «*князь Василии Смоленскийи приде из Орды селе на княженьи в Дьбряньске и мало пребыва, только осьмь недель, престаися и бысть в Брянске лихостию лихих людеи замятьня велика и опустенье града и потом нача обладати Олгерд Брянском*»³⁰. Процесс подчинения Брянского княжества Ольгердом прямо не описан, но ряд моментов этого процесса все-таки отражен в источниках. Гипотетически можно предположить, что Ольгерд поддержал одну из враждующих брянских партий — сторонников малолетнего Дмитрия Романовича, который и был им посажен в Брянске «из своей руки». Сторонники Романа Михайловича вынуждены были, по всей видимости, обратиться за помощью к Москве. В начале 1370-х гг. сложилась ситуация, когда великие князья литовский и московский

кого Научного Института. Т. 33. Warszawa (Варшава), 1936. S. 166, 172, 186–188, 214.

²⁷ Поменник Введенської церкви в Ближних Печерах Києво-Печерської Лаври / Упорядкування та вступна стаття Олексія Кузьмука. С. 18.

²⁸ Например, подобным образом одно из крупнейших княжеств Северо-Восточной Руси — Ярославское — оказалось в руках смоленского династа Федора Ростиславича.

²⁹ Древняя российская вивлиофика, изд. Н. И. Новиковым. Ч. 6. М., 1788. С. 449.

³⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 65.

имели каждый собственного «великого князя Черниговского», в связи с чем считаем возможным и другое отождествление князя «Дмитрия Брянского» из перемирной московско-литовской грамоты 1371 года, которого традиционно считают сыном Ольгерда³¹.

В середине 1350-х гг. из состава Русской церкви была выделена Литовская митрополия, во главе которой стоял митрополит Роман (ему подчинялись епархии Полоцкая, Туровская и епархии Малой Руси, то есть галицко-волыньские). Из письма константинопольского патриарха в июле 1361 г. известно, что Роман к тому времени самовольно подчинил себе епархию в Киеве и Брянске³². Из Рогожского летописца известно, что зимой 1359 г. митрополит Алексей ездил в Киев³³, а вернулся он в 1360 г.³⁴ Из патриаршей грамоты 1380 г. известно, что во время этой поездки Ольгерд захватил Алексея под стражу, но тому удалось бежать³⁵. К этому моменту и можно отнести факт захвата литовским митрополитом епархии в Киеве, а также в Брянске. По смерти Романа в 1362 г. Литовская митрополия перестала существовать, а в 1364 г. константинопольский патриарх официально присоединил Литовскую митрополию к Русской³⁶.

Таким образом, поход Ольгерда на «Белобережье и Синюю Воду» про-

исходил на фоне войны за Брянскую и Смоленскую земли. В Брянской земле происходила сложная, с давними корнями, политическая борьба, которая в один момент затухнуть не могла.

Можно сравнить с сообщениями за 1341 г.: «осени месяца октября в 1 день, в Покров святых Богородица, пришедше Олгерд с литовскою ратию к городу к Можайску посад пожьгли, а города не взяли. Тогда Руготу оубили». Затем, после ряда сообщений: «того же лета взяша Литва Тигошинов, мужи и жены пожгоша и младенци»³⁷. Тешиничи (Тешин) — старинная можайская волость, но в XV в. она входила в Вяземские земли, пока перед 1487 г. не была обратно присоединена к Можайским волостям³⁸. То есть вначале описывается военное событие с крупным географическим ориентиром (удельным городом), а затем, без прямого указания на связку, описываются военные события с локальным ориентиром (волостью). В этом контексте естественно и локальные ориентиры сообщения 1363 г. искать рядом с крупными ориентирами, отмеченными в том же году.

Источники XVI–XVII вв. называют «Синими Водами» реку Синюху, приток Буга, а «Белобережьем» — низовья Днепра³⁹. Можно заметить, что низовья

³⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 53–54.

³⁸ *Темушев В. Н.* К вопросу о московско-литовской границе в XV в. (владения князей Крошинских) // *Ruthenica*. VI. Киев, 2007. С. 305–306.

³⁹ *Чорний О. В.* Исторична географія Правобережної України середини XIV століття в контексті битви на Синіх Водах // *Наукові записки*. Серія: Историчні науки. — Вип. 20: Синьоводська битва 1362 року в контексті історії Східної Європи. Кіровоград, 2014. С. 49–61.

³¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. С. 21–22. № 6.

³² Русская историческая библиотека. Т. 6. Прил № 14. Стб. 86, 88.

³³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 67.

³⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 100.

³⁵ Русская историческая библиотека. Т. 6. Прил № 30. Стб. 166–168.

³⁶ Там же. Прил № 15. Стб. 91–98.

Днепра назывались Белобережьем еще в Повести временных лет, при описании княжения Святослава. Однако один и тот же топоним мог относиться к разным местам, особенно в разные исторические периоды. Соответственно, в данном случае следует найти упоминания указанных терминов в источниках XIV в. Таким источником является составленный в последней трети XIV в. «Список русских городов дальних и ближних»⁴⁰. Там упоминается и город Белобережье. Местоположение его не определено, но назван он среди «литовских городов», то есть он не относится ни к «киевским городам» (киевская и северская земли), ни к «подольским городам». Список «литовских городов» представлен литовско-белорусскими землями, частью Смоленской земли и Верхнеокскими землями, топонимы в значительной степени перечисляются в смешанном порядке. Окончание списка: *«Пустая Ржова на Волге. Мелечя, Селук, Восвято, Зижеч, Ерусалимь, Ржищев, Белобережье, Самара, Броницарев, Осечен, Рясна, Тур, Копорье на Порозе, Карачев, Торуса, Туд, Сижка, Горышон, Луки»*. Здесь есть города ржевской земли и ряда других прилегающих к новгородским владениям территорий (Ржова, Селук, Восвято, Зижеч, Ерусалимь, Ржищев, Осечен, Рясна, Тур, Туд, Сижка, Горышон, Луки). А часть можно связать с регионом Верхней Оки — Самара, Броница, Рев, Карачев, Торуса⁴¹. М. Н. Тихомиров читал «Броницарев» как «Брони, Царев», однако прочтение

⁴⁰ М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 214–259.

⁴¹ Журавель А. В. Аки молния в день дождя. М., 2010. Кн. 1: Куликовская битва и ее след в истории. М., 2010. С. 326.

А. В. Журавеля «Броница, Рев» нам видится более обоснованным, учитывая также и сведения Литовской метрики о существовании в данном регионе населенных пунктов с названиями «Бронниччи» и «Ревны»⁴². В «Пискаревском летописце» XVII в. при описании событий конца XVI в. встречаем еще один любопытный ряд топонимов, территориально связанный с юго-восточным пограничьем уездов Верхней Оки с «Диким Полем»: *«елецких князей вотчина Ливна, Койса, Оскол, Волуйка, Белгория, Самара, Кромь, Манастырев и иныя многия польския и сиверския»*⁴³. При этом следует отметить, что «нераспознанные» топонимы из Списка (их относительно немного) в основном можно относить к пограничными с Полем регионами (киевские, подольские, рязанские города), которые подверглись запустению в XV в. В нашем случае уже не так важно, где конкретно располагалось Белобережье из Списка (так как можно только строить предположения). Это, в первую очередь, пример того, что в XIV в. этот термин совсем не обязательно мог относиться лишь к Днепровскому региону.

Две современные Куликовской битве немецкие хроники, Детмара и Иоганна фон Позильге, сообщают под 1380 г. о «великой битве» между русскими и татарами у «Синей Воды» (Blowasser / Bloen Wassir): *«Там сражалось народу с обеих сторон четыреста тысяч. Русские выиграла битву. Когда они отправились домой с большой*

⁴² Lietuvos Metrika. Vilnius, 1998 kn 3. P. 38, 42.; Lietuvos Metrika. Vilnius, 2007. kn 6. P. 163–164. № 236.

⁴³ ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 195.

добычей, то столкнулись с литовцами, которые были позваны на помощь татарами, и [литовцы] отняли у русских их добычу и убили их много на поле» / «В том же году была большая война во многих странах: особенно так сражались русские с татарами у Синей Воды, и с обеих сторон было убито около 40 тысяч человек. Однако русские удержали [за собой] поле. И, когда они шли из боя, они столкнулись с литовцами, которые были позваны татарами туда на помощь, и убили русских очень много и взяли у них большую добычу, которую те [русские] взяли у татар»⁴⁴. Начиная с Карамзина, существует версия, что в хронике они попали во время ганзейского съезда в Любеке (где писал Детмар) из Новгорода. С. Н. Азбелев, поддерживая эту версию, связывал появления топонима «Синяя Вода» с тем, что новгородцы, возвращаясь отдельно с Куликовской битвы, подверглись нападению литовского войска на р. Синяя Тулица⁴⁵. Следует заметить, что можно выдвинуть и «литовскую версию», поскольку торговыми отношениями с Ганзой были связаны и города ВКЛ (прежде всего, Полоцк), а Ягайло 31 мая 1380 г. заключил сепаратный мирный договор с Орденом⁴⁶. Можно сделать предположение, что «Синей Водой» называли Непрядву или какую-либо иную речку в районе битвы. В данном случае

⁴⁴ Живая вода Непрядвы: Битва на Куликовом поле в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2017.

⁴⁵ Азбелев. С. Н. Об участии новгородцев в Куликовской битве // Исторический Формат / 2016. № 4. С. 52–53.

⁴⁶ Ліцкевіч А. У. Дагаворы паміж князямі ВКЛ, нобілямі Жамойці і прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі (1367–1398 гг.) // Arche. 2010, № 10 (Грунвальдскі нумар). С. 110–112.

не обязательно рассматривать аргументы по отношению к разным версиям (так как это будут версии, а не факты). Важно, что источник XIV в. связывает топоним «Синие Воды» с регионом Куликовской битвы, то есть помещает его в регионе Верхней Оки.

Упоминание «Синие Воды» из немецкой хроники также используется для доказательства Синеводской битвы. Предполагается, что хронист смешал Куликовскую и Синеводскую битву. Но это подразумевает знакомство немецких хронистов с самой Синеводской битвой, чего мы больше нигде не видим. Приведенное описание полностью соотносится с другими описаниями Куликовской битвы (масштабная кровопролитная битва, закончившаяся победой русских; добавлено только о нападении на отходящих русских литовцев, но это не противоречит известным данным: неподалеку было войско Ягайло, а по документам известно о грабительском нападении рязанцев на московское войско⁴⁷). И это описание совсем не пересекается с описаниями Синеводской битвы, кроме самого топонима. Факт состоит в том, что это сообщение появилось за полстолетия до первого упоминания Синеводской битвы.

То есть, исходя из сведений источников XIV в., наиболее вероятная версия говорит о походе Ольгерда осенью 1363 г. до восточных окраин Брянского княжества и южных владений козельско-карачевских князей, в результате которого у последних была отторгнута значительная часть их «отчины». Это сообщение, с локальными географическими ориенти-

⁴⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 29–30.

рами, иначе выглядит полностью вырванным из контекста летописания. Сам факт масштабных военных действий Ольгерда на востоке русских земель в 1356–1365 гг. при активизации войны с крестоносцами с 1360 г., а также неоднократных вспышек эпидемий в эти годы заставляет сомневаться в самой возможности провести еще и масштабные наступательные операции против татар.

«И Киев под Федором князем взял...»

На основании сведений поздней компилятивной Густынской летописи в исторической литературе утвердилось мнение о том, что одним из следствий поражения татар в Синеводской битве стал силовой захват Ольгердом Киева и смещение со стола местного князя. Следует процитировать это сообщение источника: «*В лето 6870. 1362... В сие лето Олгерд победи трех царков татарских и з ордами их, си есть Котлубаха, Качзезя, Дмитра; и оттоли от Подоля изъгна власть татарскую. Сей Олгердь и инняя руския державы во свою власть приять, и Киев под Феодором князем взят и посади в нем Володымера, сына своего*»⁴⁸.

Истоки появления «киевского князя Федора» в этом сочинении легко находятся. В Новгородской первой летописи под 1331 г. описывается, что находящийся в Волынской земле митрополит утвердил новгородского владыку Василия, но не утвердил псковским владыкой литовского ставленника Арсения. «*Арсению же со плесковици поуха посрамлен от митропо-*

лита из Волыньской земли на Киев, на память святого отца Семеона столпника. Поуха Василии владыка от митрополита; яко прииха под Чернигов, и ту научением дьяволим пригнася князь Федор Киевський со баскакомъ в пятидесят человек розбоем, и новгородци остерегошася и стаха доспевъ противу себе, мало ся зло не учинило промежю ими; а князь въсприимъ срам и отъиха, нь от бога казни не убежа: помроша коне у его».⁴⁹ Нападения на Василия летописное сообщение прозрачно связывает с поездкой Арсения в Киев. В своде 1418 г. есть более подробный вариант этого события: митрополит тайно известил находящегося в обратном пути Василия, что Гедимин послал 300 литовцев перехватить его, из-за чего владыка и пошел кружным путем через Чернигов; от Федора пришлось откупиться, а митрополичьего протодьякона отвели в Киев⁵⁰. Возможно, однако, что эти более поздние сведения не имеют достоверного источника и являются следствием слухов и домыслов.

В итоге видим, что речь идет о некоем князе Федоре, который сидел в Киеве или на одном из киевских уделов под присмотром ордынских баскаков (не факт, что речь идет о баскаках, сидящих в Киеве), когда еще Орда была в зените могущества. В историографии утверждается, что «*в летописном рассказе о событиях 1331 г. явственно проступает пролитовская ориентация киевского князя*»⁵¹.

⁴⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 344.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 254.

⁵¹ Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 29.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись. СПб, 2003. С. 130.

Однако уже здесь большая натяжка — если «интерес Гедимины» был в том, чтобы захватить Василия, то Федор только взял выкуп или договорился каким-то иным образом: по-видимому, он преследовал совсем другие цели. Поэтому нет оснований видеть в нем литовского ставленника и даже литовского союзника. По соотношению Федора с личностями из других источников в историографии есть много предположений (большинство из них основано на мнении о влиянии Гедимины в Киеве в то время). Если строить гипотезы, то этим князем мог быть Рюрикович, православный литовец или даже крещеный татарин. Скорее всего, князь Федор Киевский происходил из путивльской ветви Ольговичей. В черниговских княжеских помянниках встречается несколько имен князей по имени Федор⁵², но уверенно отождествить кого-либо из них с Федором Киевским 1331 г. на сегодняшний день не представляется возможным.

Как факт, на основании выше изложенных церковных событиях, можно только признать, что в 1360 г. Киев находился в сфере влияния Ольгерда. При этом еще зимой 1352–1353 гг. литовский ставленник Роман ездил к Тырновскому патриарху, который утвердил Романа митрополитом, но «не приняша его кыяне»⁵³. То есть тогда еще Киев не был под контролем Ольгерда. Наличие баскаков в 1331 г. не означает, что литовцам пришлось их потом выгонять из Киева. Ведь и в Северо-Восточной Руси они после 1327 г. были упразднены.

В историографии можно встретить утверждение, что Владимир Ольгердович

документально как киевский князь упомянут уже в договоре Ольгерда и Кейстута с ливонским Магистром Фридрихом фон Фриммерсхаймом от 7 ноября 1367 г.⁵⁴ Это утверждение не соответствует действительности — в грамоте князь Владимир упомянут просто как сын «короля Ольгерда» («*Woldemarum filium Algherden regis*»). Сидел ли он в Киеве на тот момент, из грамоты не ясно. Жалованная грамота храму Св. Николая в Смедене, которую обычно относят к раннему периоду княжения Владимира в Киеве, к сожалению, не датирована⁵⁵. Еще один, довольно известный документ — жалованная грамота некоему князю Юрию Ивантичу, как будет показано ниже, является, по всей видимости, поздним фальсификатом. Все остальные акты, связанные с князем Владимиром, относятся уже к периоду после Кривской унии 14 августа 1385 г. Не сильно проясняют ситуацию и нумизматические данные. Похоже, еще до вокняжения Владимира в Киеве была возобновлена чеканка монеты. Двусторонние подражания дангу хана Джанибека эмитировали, скорее всего, киевские князья из путивльской династии Ольговичей, известные по черниговским помянникам. Как предполагает Д. Гулецкий, подражания дангу Джанибека чеканились какое-то время параллельно с именными монетами князя Владимира Ольгердовича⁵⁶. То есть эти

⁵² ОР РГБ. Ф. 256. Собрание графа Н. П. Румянцева, № 378, л. 25 об.

⁵³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 61.

⁵⁴ Лицкевич А. У. Дагаворы паміж князямі ВКЛ, нобілямі Жамойці і прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі (1367–1398 гг.) // Arche. 2010, № 10 (Грунвальдскі нумар). С. 104–106.

⁵⁵ Грамоти XIV ст. / Упорядк., вступн. стаття, коментарі і словники-показчики М. М. Пешак. К., 1974. С. 37. № 18.

⁵⁶ Гулецкий Д. В., Петрунин К. М. Русские монеты 1353–1533. Каталог. Минск, 2013. С. 298.

монеты мог чеканить как сам Владимир, так и сохранившие свои уделы князья прежней династии (Василий и Юрий Владимировичи, Борис Константинович, Иван Борисович). Несмотря на то, что на сегодняшний день известно более 1200 монет семи типов, атрибутируемых Киевскому княжеству времен княжения Владимира Ольгердовича, хронология их чеканки продолжает оставаться дискуссионным вопросом⁵⁷. Тем не менее, стоит отметить, что эмиссия надежно атрибутируемых Владимиру Ольгердовичу монет с княжеской «тамгой» не могла быть начата ранее 1371/72 года⁵⁸. Кроме того, вполне себе «мирное сосуществование» князя Гедиминовича на старшем столе и представителей прежней династии на уделах отнюдь не подтверждает версию Густынской компиляции о силовом захвате Киева. Скорее наоборот, это может свидетельствовать о договорном характере появления в Киеве сына великого князя литовского. Интересно также, что сыновья Владимира Ольгердовича использовали на своих печатях в качестве княжеского знака якоревидную тамгу, сходную со знаками на печатях Бориса Константиновича и Давида Дмитриевича, князей черниговского происхождения⁵⁹. Сведений о супруге Владимира Ольгердовича в источниках, к сожалению, не сохранилось, но очень

⁵⁷ См., напр. *Климовський С.* Київські монети Володимира Ольгердовича: пріоритет політики чи економіки // *Історико-географічні дослідження в Україні. Збірник наукових праць.* Київ, 2007. Вип. 10. С. 358–375.

⁵⁸ *Козубовський Г. А.* До хронології карбування монет Володимира Ольгердовича (1362–1394) / *Археологія*, 2016, № 4. С. 33.

⁵⁹ *Однороженко О. А.* Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII–XVI ст. Харків, 2009. С. 281, 283.

вероятно, что она происходила из местной княжеской династии — путивльской ветви черниговских Ольговичей.

Подводя итог, следует констатировать, что ни письменные источники, ни нумизматические материалы не дают достаточных оснований связывать появление на киевском столе князя Гедиминовича с итогами Синеводской битвы, а точная дата вокняжения в Киеве Владимира Ольгердовича остается неизвестной.

Летописи о событиях в Литве в XIV в.

Событие с достаточно большой долей вероятности можно считать фактом, если оно записано в погодном летописании (с возможным искажением подробностей, а также неточностями при переписке). На территории ВКЛ первое погодное летописание известно только в 1430–40-х гг. (в Смоленске), а затем — в разных регионах, с конца XV в. Ранее известны только отдельные летописные повести («Летописец великих князей литовских», составленный из ряда повестей и летописных известий XIV в., «Повесть о Подолии», «Похвала Витовту», составленная в Смоленске в 1430-х гг.). Для погодного описания событий XIV в. — начала XV в. летописные сборники ВКЛ использовали летописание Северо-Восточной Руси.

События XIV в. в Литве и Западной Руси в определенной степени отражены в погодном летописании, которое велось в городах Северо-Восточной Руси («Залесье»), Новгороде и Пскове. Вопрос состоит в том, насколько полно эти источники отражают ключевые события в жизни ВКЛ.

Наиболее широко «литовские события» представлены в Рогожском летописце. За 1328–1375 гг. он представляет собой соединение тверского летописания и московского свода 1408 г. (этот свод, Троицкую летопись, отражает Симеоновская летопись). Можно предполагать, что большая часть «уникальных» сообщений Рогожского летописца относится к тверскому летописанию. Ряд «литовских событий» конца XIV в. попал в свод 1418 г. Есть сообщения в Никоновской летописи, составленной в 1520-х гг. (там использовались и несохранившиеся летописные источники, но многие сообщения перерабатывались, а даты могли путаться).

Тверские и московские князья с начала XIV в., получая титул великих князей владимирских, именовались князьями всея Руси; они вступали в династические связи с Гедимином и его потомками. То есть для тверского и московского летописания был объективный интерес к «общерусским» и «литовским» событиям.

Прежде всего, в восточных русских летописях говорится о событиях, связанных с контактами (династическими, военными, церковными) ВКЛ с Новгородом, Псковом, Москвой, Тверью, Рязанью.

Наиболее слабо представлены польско-литовские отношения, события в Галицко-Волынской земле. Только под 1349 г. Новгородская первая летопись сообщает: *«прииде король краковьский со мною силою, и взяша лествию землю Волыньскую и много зло крестианомъ створиша, а церкви святыя претвориша на латыньское богумерзьское служение»*⁶⁰. Но следует отметить, что это было

⁶⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 361.

главное событие в польской военной экспансии на Русь.

Троицкая летопись говорит о ключевых событиях войн с крестоносцами с середины XIV в.: о поражении литвы в битве с немцами в 1348 г.⁶¹ (битва на Стреве); о взятии немцами Ковно в 1369 г.⁶²; о походе немцев на Вильно в 1394 г.⁶³ В Рогожском летописце также говорится о пленении немцами князя Кейстута в 1361 г.⁶⁴, о пленении его сына в 1362 г.⁶⁵, а под 1370 г. записано: *«тое же зимы Олгерд ходил на немци и бысть меж их тамо сеча»*⁶⁶ (это о сражении у Рудав в феврале 1370 г.). То есть оба крупных сражения времен литовско-орденских войн XIV в. отражены в летописях (последнее сообщение показывает, как бы в Рогожском летописце отразилась битва с татарами в походе 1363 г.).

В летописании Северо-Восточной Руси есть относительно много сообщений о Брянской земле и княжествах Верхней Оки в первой половине XIV в.⁶⁷ Только в Рогожском летописце есть сообщения о событиях на Смоленской и Брянской землях за 1356–1365 гг., в целом о военных действиях Литвы в этот период, о походе Ольгерда на Смоленск осенью 1375 г. (в ответ на московский поход на Тверь),

⁶¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 57. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. С. 95.

⁶² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 91; ПСРЛ. Т. 18. С. 109.

⁶³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Стб. 164. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. С. 143.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Стб. 71–72.

⁶⁵ Там же. Стб. 73.

⁶⁶ Там же. Стб. 91.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. С. 87, 90, 92, 93, 94.

о походе Литвы на Тегошинов в 1341 г. Войны Литвы со Смоленском и Рязанью в 1386–1396 гг. в Троицкой летописи представлены только сокращенным описанием смоленских событий 1386 г. (осада Мстислава и битва на р. Вихрь), в то время как в более поздних сводах они представлены относительно подробно.

Летописи Северо-Восточной Руси освещали события династических кризисов в ВКЛ, которые приходились на 1341–1345 и 1377–1392 гг. В Троицкой летописи есть только большое сообщение под 1377 г. о смерти Ольгерда, о его братьях и сыновьях, о женитьбе Ягайло на польской королевне⁶⁸. Тверская летопись под 1390 г. сообщает о походе Витовта с немцами к Вильно⁶⁹. Новгородская первая летопись сообщает о смерти Гедимины в 1341 г.⁷⁰ Под 1345 г. и под 1381 г. сообщается о войне между литовскими князьями⁷¹. В своде 1418 г. под 1386 г. было сообщение о женитьбе Ягайло, принятии им католичества⁷², под 1392 г. — о соглашении между Ягайло и Витовтом.⁷³

Летописцы касались и литовско-татарских отношений. В Троицкой летописи из литовско-татарских войн упоминается только битва на р. Вороксле 1399 г.⁷⁴ А под 1398 г. сообщается о бегстве Тохтамыша в Киев⁷⁵. В Новгородской

первой летописи есть самостоятельный рассказ об этой битве⁷⁶. В Никоновской летописи под 1324/25 г.: «*того же лета царь Азбяк посылал князей Литвы воевати, и многа зла сотвориша Литве, и со многим полоном приидоша во Орду*»⁷⁷. Под 1337/38 г.: «*того же лета татарове воеваше Литву*»⁷⁸. В Рогожском летописце под 1374 г. «*того же лета въсенне ходили литва на татарове на Темеря, и бышет межси их бои*»⁷⁹. Там есть и другие сообщения о военных действиях татар, не упомянутые в Троицкой летописи (обрянско-ордынском походе на Смоленск зимой 1333/34 г., о походе татар Мамаю на рязанские города и о выдвигении московского войска на Оку в 1373 г., о походах мамаевцев на Новосиль в 1375 г., о занятии московским князем обороны по Оке в 1376 г.). Летописи стремились описать смену ханов в Орде, а также внутренние войны в Орде в 1350–90-е гг. (в Рогожском летописце есть дополнительные сведения по 1360-м гг.).

Можно сказать, что в русских землях к востоку от ВКЛ интересовались происходящими в нем событиями, и наиболее важные события внешних войн и династических конфликтов в летописях были отражены, хотя и оставались большие лакуны. В летописях Северо-Восточной Руси встречается довольно много упоминаний, связанных с «буферными» смоленско-брянскими землями. Но в них не описаны события с привязкой к Галицко-Волынской, Подольской или Киевской зем-

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Стб. 117–118. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. С. 118.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб, 1863. Стб. 445.

⁷⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 353.

⁷¹ Там же. С. 358, 378.

⁷² ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 347.

⁷³ Там же. С. 373.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 165.

⁷⁵ Троицкая летопись. М.-Л., 1950. С. 448–449.

⁷⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 394–395.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 189.

⁷⁸ Там же. С. 208.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 106. ПСРЛ. Т. 18.. С. 143.

ле (кроме некоторых церковных событий). По этой причине нельзя сразу отметить теорию о Синеводской битве в Подольской или Киевской земле. Однако, если Польша для восточных русских земель интереса не представляла, контактов с ней практически не было, то о территории Орды такого сказать нельзя. В контексте того, что основное военное направление для ВКЛ — противостояние с Орденом — в летописании Северо-Восточной Руси отражено достаточно заметно, существенно снижается возможность того, что крупное литовско-татарское столкновение было ими пропущено.

Если искать летописный источник, послуживший основой для создания «Синеводской битвы Ольгерда» в «Повести о Подолии», то, акцентируя внимание на «походе на татар при Ольгерде» (а не на «Синие Воды» и «поход Ольгерда»), приходим к упомянутому сообщению о походе на Темеря в 1374 г. Летописное описание не говорит, в какой степени успешен был поход. «Бои» могли означать и дистанционные столкновения («бились со стен»), то есть характер столкновений неясен. Там нет географической привязки (как и в случае сообщений Никоновской летописи о походах татар при Гедимине). Уже это вполне может косвенно свидетельствовать о том, что события происходили в далеких от Залесья территориях (то есть названные галицко-волынские, подольские или киевские земли). В летописях татары орды Мамаю постоянно выделяются. Отдельно они выделялись и под 1374 г. То есть достаточно велика вероятность того, что летописный Темерь был самостоятельным правителем где-то западнее Днепра.

Составитель Повести мог знать любые два из трех приведенных выше источников (сообщение о походе Ольгерда на Синюю Воду и Белобережье; сообщение о походе литвы на Темеря; пришедшее к немцам через какие-то русские земли описание Куликовской битвы — как «битвы на Синей Воде»), чтобы в итоге получилась «битва Ольгерда с татарами на Синей Воде». Такая трансформация реальных событий в полемическом произведении вполне нормальна.

Подолия

Появления Кориатовичей на Подолии обычно привязывается к предположительной дате Синеводской битвы. При этом имеются и документальные источники, на которые, следуя правилам источниковедения, и нужно в первую очередь ориентироваться.

Самые ранние документы, связанные с Подольской землей, датируются 1374–1375 гг. Из них старейший — грамота подольского князя Юрия Кориатовича и его брата Александра от 7 ноября 1374 г., которая давала привилегии жителям Каменца⁸⁰. Также известна грамота Александра Кориатовича 1375 г., дающая привилегии краковским купцам⁸¹. Наиболее примечательной является сохранившаяся в подлиннике подтвердительная жалованная грамота от 17 марта 1375 г., данная князем Александром Кориатовичем («князь и господарь Подольской земли») Смотрицкому доми-

⁸⁰ Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. Киев, 1885. С. 206.

⁸¹ Там же. С. 201.

никанскому монастырю.⁸² Она сообщает о существовании выплат татарам. В ней указано, что изначально жалованная грамота давалась от имени князя Юрия Кориатовича, то есть Юрия к весне 1375 г., скорее всего, уже не было в живых. На печати было написано: «Александр, князь владимирский»⁸³. В современной хронике Яна из Чарнкова описано, что в 1366 г. польский король Казимир захватил Владимир-Волынский и посадил в нем править Александра, сына Михаила-Кориата и племянника Ольгерда⁸⁴. После смерти короля в 1370 г. Александр поехал на его похороны, а князь Кейстут и луцкий князь Любарт захватили Владимир. О том, что Александр прибыл из Подолии и вернулся туда, хроника не упоминает. Это ставит под большое сомнение княжение Александра Кориатовича в Подолии уже в 1360-е гг.

Последним документом, говорящим об Александре Кориатовиче, является папская булла 30 января 1378 г. Там он называется владыкой Каменца и восхваляется за защиту католической веры против вероломных татар⁸⁵. Эта булла была ответом на просьбу Александра относительно исповеди, что говорит о принятии им католичества⁸⁶. Т. е. она не была приурочена к столкновению с татарами, которые,

соответственно, могли происходить за несколько лет до того. Если не предполагать другие неизвестные столкновения с татарами, то этот документ должен отражать столкновение 1374 г.

Согласно «Повести о Подолии», Юрий был призван на княжение в Молдавию, где был отравлен, а Александр был убит татарами. На основании этого делаются далеко идущие выводы, но характер источника не позволяет принять это как факты (для жанра Повести нужно было подчеркнуть, что Литва являлась защитником Подолии от татар, а также показать претензии на влияние в Молдавии). Базой для этой фразы могли быть дипломатические контакты или конфликты с Молдавией и столкновения с татарами первых подольских князей. Источники по Молдавии не говорят о правлении литовского князя (только скудность этих источников позволяет допускать такое предположение). Смерть Александра датируется обычно 1380 г. Но документ, в котором упоминается следующий правитель Подолии, Константин Кориатович, относится к 1385 г. — это подтверждающая грамота краковским купцам⁸⁷. Подтверждение подобных привилегий с большой долей вероятности можно относить к началу правления.

Таким образом, по документам и хроникам получается, что первым подольским князем был Юрий Кориатович. Зимой 1374/75 г. он погиб, но не ясно, как долго он перед этим был во главе Подолии. В 1352 г. он фигурирует как один из литовских князей, подписавший перемирие с польским королем Казимиром⁸⁸. Ряд документов дает основание предполагать,

⁸² Акты Западной России. Т. 1. СПб., 1846. С. 21.

⁸³ Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. С. 214–215. Однороженко О. А. Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII–XVI ст. Харків, 2009. С. 87, 242.

⁸⁴ Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. С. 214–215.

⁸⁵ Там же. С. 216.

⁸⁶ Там же. С. 217.

⁸⁷ Там же. С. 200–201.

⁸⁸ Грамоти XIV ст. С. 29–32. № 14.

что в 1360-е гг. Юрий, как и Александр, состояли при дворе Казимира⁸⁹. Т. е. как «князь подольский» он тогда тоже неизвестен. По мнению В. Михайловского, после 1352 г. и до 1366 г. князя Юрий и Александр Кориатовичи принесли присягу польскому королю Казимиру Великому⁹⁰. Не исключено, что и «окняжение» Подолии Кориатовичи провели, будучи «слугами» польского короля. Значительную часть окружения этих князей составляли выходцы из Галицкой и Перемышльской земель (Коронной Руси), а также поляки, венгры и даже немцы⁹¹. Создается впечатление, что Подолия была сугубо личным «примыслом» Кориатовичей, причем двигались они не со стороны владений Литвы, а со стороны земель Коронной Руси. В 1370 г. умер Казимир Великий, а новый польский король Людовик Венгерский особо не вмешивался во внутреннюю политическую жизнь Польши, что было хорошим фоном для предполагаемого старта Кориатовичей в Подолию со стороны Коронной Руси.

Если сопоставить эти сведения с летописным известием о походе литвы на Темеря в 1374 г., то вполне можно предполагать, что примерно тогда же могло произойти вытеснение татарского правителя с Подолии и утверждение там княжеской власти Кориатовичей. В то время в политической жизни того региона были задействованы Литва, Молдавия, Венгрия, татары, Польша, папский престол. Поэтому

⁸⁹ *Молчановский Н.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 года.. С. 202–203.

⁹⁰ *Михайловский В.* Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV-70-х роках XVI ст. Київ, 2012. С. 50.

⁹¹ Там же. С. 41–47.

для понимания того, что мы достоверно знаем, необходимо обобщить все однозначные письменные и археологические сведения, связанные с указанными политическими игроками.

Войны татарские

У нас практически нет примеров, чтобы источники XIV в. отразили значительное столкновение русских или литвы с татарами, и притом этого не было в погодном летописании. Следует отметить статью Б. Черкаса о походе Тохтамышша на Великое княжество Литовское в 1380 г.⁹² Базой этой теории служит жалованная грамота, якобы данная киевским князем Владимиром Ольгердовичем от 19 января 1381 г. местному землевладельцу Юрию Ивантичу Половцу-Рожиновському, у которого пострадали владения на р. Роси от недавнего вторжения Заволжской Орды. Однако этот документ, известный по списку XVI в., — доказанная подделка (таких поддельных документов XVI–XVII вв., связанных с земельными вопросами, известно большое количество)⁹³. В статье в качестве факта приводится гибель «подольского князя Александра Кориатовича в бою с татарами, что имело место приблизительно в 1380 г.». Однако, как указывалось выше, эта дата смерти Александра может быть смещена на годы, и даже его гибель от татар не является фактом.

⁹² *Черкас Б. В.* Поход Тохтамышша на Киевское княжество в 1380 году // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань, 2011. С. 167–169.

⁹³ *Jozef Wolff.* Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku. Warszawa. 1895. S. 676–678.

Также следует заметить, что в статье как факт приводится поход Кориатовичей на Белгород-Днестровский в 1374 г. Это бытующее утверждение основано на грамоте 1374 г., в которой «господарь земли Молдавской», литовский князь Юрга (Юрий) Кориатович, находясь в Бырладе, пожаловал белгородскому наместнику Якше Литавору село Зубровцы за верную службу, прежде всего, за подвиги против татар на Днестре. Однако, установлено, что эта грамота является подделкой, сделанной румынским публикатором XIX в. Б. П. Хаждеу⁹⁴.

В письме великому магистру от 1 января 1425 г. Витовт говорил о победе в Верховьях Оки над ханом Куйдадатом: *«Мы тем более сильно обрадовались, что небесный пастух, наш любимый Господь Бог, нам и нашим людям дал такую удачу, что они так значительно в большом бою победили татар, чего раньше никогда не было, хотя между собой часто воевали»*⁹⁵.

Таким образом, не следует забывать, что в XIV в. татары были крайне опасным противником, и битвы с ними были громким событием. Куликовская битва и битва на Ворскле отразились как в залесском, так и в новгородском погодном летописании, а также современных немецких хрониках, они быстро стали эпическим сюжетом. Поэтому уже сразу можно сказать, что предположительная Синеводская битва не могла даже приближаться по разма-

ху к этим событиям. Но, даже если это было событие масштаба не больше, чем масштаб столкновений татарских периферийных правителей с нижегородским и рязанским великими князьями в 1360-х гг., то всё равно умолчание о столкновениях с татарами в летописном описании похода Ольгерда на Синие Воды и Белобережье выглядит маловероятным (особенно, если поход состоялся на земли восточнее Днепра; а в случае такого крупного события западней Днепра, оно бы отразилось в каком-либо из западных источников, как это было со столкновениями с татарами в 1370-х гг.).

Если принять «Белобережье» за топоним, связанный с Нижним Днепром, то получается, что Ольгерд совершил туда поход. Но этот регион в то время не являлся ордынской периферией. Тогда на левом берегу Нижнего Днепра находилось «Кучугурское городище», которое по археологическим данным являлось крупным административным центром с развитыми общественными постройками и металлургическим производством. «Археологические находки не оставляют сомнения в том, что Кучугурское городище представляет собой остатки одного из административно-политических центров владений Мамаю, где, возможно, какое-то время находилась его ставка»⁹⁶. То есть, даже если Ольгерд вмешался бы в войну за власть в Орде, например, на стороне Мамаю, то это стало бы грандиозным событием, которое, несомненно, должно было найти свое отображение в источниках того времени.

⁹⁴ Параска П. Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев, 1981.

⁹⁵ Беспалов Р. А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула, 2009. Вып. 4. С. 207–208.

⁹⁶ Егоров В. Л. Историческая география Золотой орды в XIII–XIV вв. М., 2009. С. 83–84.

Вымышленные битвы

Выдуманнные битвы — явление далеко не уникальное. Слова про крупные сражения или масштабные осады всегда «понятней и интересней», чем описание военных и политических процессов, состоящих из множества «скучных деталей». Это «эпичные события», достойные произведений высокого стиля.

Выяснить, что сражение придумано, можно, когда есть достаточно источников по описанному месту и времени. В русском летописании первым подобным мифом можно назвать поход Олега на Царьград. Он описан не в погодном летописании, которое появилось чуть ли не через столетие. Сюжетной базой стало греческое описание похода росов на Константинополь в 860 г. (получилось раздвоение сюжета на поход Аскольда и поход Олега, который оброс эпическими подробностями). А поход Олега на Царьград греческие источники полностью отвергают.

В литовском летописании Синеводская битва — не единственная придуманная в литовском полемическом летописании. Она органично вписалась в Хронику Быховца, которая представляла собой стилистически цельное произведение, созданное с целью показать исторические достижения литовцев. Там деятельность Гедимины представлена в виде трех походов, ключевыми в которых были сражения: Окменская битва с крестоносцами в Жемайтии, сражения у Владимира-Волынского с волынским князем и сражение на р. Ирпень с киевским и другими русскими князьями. Если про сражения с русскими князьями еще можно сказать,

что недостаток источников позволяет допускать реальность этих походов и битв хотя бы в искаженном виде (упомянутые в повествованиях князья либо вымышленные, либо взяты из других времен). Но немецкие хроники достаточно подробно описывают войны с Литвой, чтобы понять выдумку сюжета об Окменской битве.

У Стрыйковского «тактически подробно расписана» не только Синеводская битва, но и названные три битвы Гедимины. Если посмотреть в целом на его описания битв с участием русских и литвы в XII–XV вв., то там видно стремление создать описание боестолкновения с упоминанием маневров и используемого вооружения. Допущение, что у него были какие-то «неизвестные источники», совершенно не имеет оснований (такие источники обычно можно вычлениить из текста). Все эти многочисленные описания имеют один ярко выраженный стиль. Эта типичная для той эпохи «реконструкция события, как должно было быть». Она замечена уже в описании Длугошем битв XII–XIII вв.

Делается замечание, что тактика в описании этих сражений у Стрыйковского соответствует эпохе. Но всё это «соответствие» ограничивается тем, что не упомянуто использование огнестрельного оружия (да и то, в описании Окменской битвы он ошибочно приписал орденской пехоте использование ручного огнестрельного оружия уже в ту эпоху). А если вдаваться в детали, то начинают возникать вопросы.

Можно произвести разбор Хроники Быховца и Хроники Стрыйковского о соответствии другим источникам описания походов Гедимины, а также разбор описаний Стрыйковским этих четырех битв (в контексте его описаний «стародавних»

битв в его Хронике). Однако для этого нужна отдельная работа. Прежде всего, следует сделать цельный обзор характера этих произведений.

Подводя общий итог, можно сформулировать следующие выводы. Умолчание такого важного события, как победа над татарским войском, в источниках XIV в. говорит о том, что битву на Синей Воде нельзя считать историческим фактом. Соответствующий сюжет в полемическом сочинении, написанном более чем через полвека после описанной эпохи (правления Ольгерда), находит искаженные истоки в подтвержденных источниками событиях: вокняжении Кориатовичей на Подолии и войне с соседним татарским правителем в первой половине 1370-х гг. В «Повести о Подолии» эти события под влиянием принятого стиля серьезно преобразились. Летописное сообщение о походе Ольгерда на «Синие

Воды и Белобережье» записано в контексте сложной и долговременной борьбы за земли Брянского княжества. Автор «Повести о Подолии» мог использовать как его, так и известие, которое отобразилось в немецких хрониках наименованием Куликовской битвы «сражением на Синей Воде». Все «подробности» о событиях вокруг Синеводской битвы в хрониках XVI–XVII в. выглядят как развитие сюжета «Повести о Подолии», стремлением авторов «реконструировать» события, используя известные нам источники и свои представления «как могло быть».

В заключение не лишним будет напомнить, что в историческом исследовании должен максимально исключаться метод «допущения, сделанного на основе допущения». Неполная историческая картина, основанная на проверенных фактах и учитывающая возможность разных интерпретаций данных, лучше, чем разветвленная концепция, имеющая шаткие основания.

Библиография

Источники:

ОР РГБ. Ф. 256. Собрание графа Н.П. Румянцева. № 98. Рукописный сборник «Рязанские достопамятности».

Акты Западной России. Т. 1. СПб., 1846.

Грамоты XIV ст. / Упорядк., вступн. статья, комментарии и словники-показчики М. М. Пещак. К., 1974.

Древняя российская вивлиофика, изд. Н. И. Новиковым. Часть 6. М., 1788.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950.

Живая вода Непрядвы: Битва на Куликовом поле в свидетельствах современников и памяти потомков / А. И. Плизунов. М., 2017.

Поменник Введенської церкви в Ближніх Печерах Києво-Печерської Лаври / Упорядкування та вступна стаття Олексія Кузьмука // Лаврський альманах. Вип. 18. Київ, 2007.

ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863.

ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Петроград, 1922.

ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007.

ПСРЛ. Т. 32. М., 1975.

ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978.

ПСРЛ. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М., 1980.

ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись. СПб, 2003.

Троицкая летопись. М.-Л., 1950.

Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880.

Lietuvos Metrika. Vilnius, 1998 kn 3.

Lietuvos Metrika. Vilnius, 2007. kn 6.

Maciej Strykowski. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. II.

Литература:

Азбелев. С.Н. Об участии новгородцев в Куликовской битве // Исторический Формат / 2016. № 4.

Александров Д. Н. Феодальная раздробленность Руси. М., 2001.

Беспалов Р. А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула, 2009. Вып. 4.

Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV вв.) // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996.

Гулецкий Д. В., Петрунин К. М. Русские монеты 1353–1533. Каталог. Минск, 2013.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой орды в XIII–XIV вв. М., 2009.

Журавель А. В. Аки молния в день дождя. М., 2010. Кн. 1: Куликовская битва и ее след в истории. М., 2010.

Климовський С. Київські монети Володимира Ольгердовича: пріоритет політики чи економіки // Історико-географічні дослідження в Україні. Збірник наукових праць. Київ, 2007. Вип. 10.

Козубовський Г. А. До хронології карбування монет Володимира Ольгердовича (1362–1394) // Археологія, 2016.

Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965.

Лицкевич А. У. Дагаворы паміж князямі ВКЛ, нобілямі Жамойці і прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі (1367–1398 гг.)// Arche. 2010, № 10 (Грунвальдскі нумар).

Лицкевич О. Русские летописные источники «Летописца великих князей литовских». // Białoruskie Zeszyty Historyczne. Беласток, 2017.

Михайловський В. Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV-70-х роках XVI ст. Кив, 2012.

Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. Киев, 1885.

Однороженко О. А. Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII–XVI ст. Харків, 2009.

Параска П. Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев, 1981.

Полехов С. В. Летописная «Повесть о Подолье». Ч. 1 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1 (55).

Полехов С. В. Летописная «Повесть о Подолье». Ч. 2 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56).

Темушев. В. Н. К вопросу о московско-литовской границе в XV в. (владения князей Крошинских) // *Ruthenica*. VI. Киев, 2007.

Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних. Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 214–259.

Черкас Б. В. Поход Токтамыша на Киевское княжество в 1380 году // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань, 2011.

Чорний О. В. Історична географія Правобережної України середини XIV століття в контексті битви на Синіх Водах // Наукові записки. Серія: Історичні науки. Вип. 20: Синьоводська битва 1362 року в контексті історії Східної Європи. Кіровоград, 2014.

Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

Kuczyński S. M. Ziemia czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy // Праці Українського Наукового Інституту. Т. 33. Warszawa, 1936.

Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku. Warszawa, 1895.

Сведения об авторах

Бабенко Алексей Анатольевич, главный инженер ООО «Аэрван-Юг», г. Ростов-на-Дону (Россия). Область научных интересов: генеалогия русской и литовской знати XI–XVI вв.

E-mail: alexios@bk.ru

Комаров Олег Владимирович, участник Проблемного совета при Государственном Историческом музее, г. Москва (Россия). Область научных интересов: русская военная история XI–XVI вв.

E-mail: oleggg888@yandex.ru

A. A. Babenko, O. V. Komarov

BATTLE ON BLUE WATERS — A FACT OR A HISTORIOGRAPHIC MYTH?

Annotation: The article examines the on Bryansk land in the third quarter of the Synevodskaya battle from the point of view XIV century.

of source study. The facts are summarized, **Keywords:** Blue Waters, White Coast on the basis of which you can recreate the (Beloberezhye), Lithuania, Bryansk picture of political life in Podolia, Kiev and principality, annals, Horde, Podolia.

References

Sources:

OR RGB [Manuscript Department of the Russian State Library]. F. 256. Sobraniye grafa N. P. Rummyantseva. № 98. Rukopisnyj sbornik «Ryazanskiye dostopamyatnosti» [Comte N. P. Rummyantsev's collection] (In Russian).

Akty Zapadnoj Rossii [Acts of Western Russia]. Vol. 1. St. Petersburg., 1846. (In Russian).

Gramoti XIV st. [Acts of the XIV Century]/ Uporyadk., vstupn. stattya, komentari i slovniki-pokazhchiki M.M. Peshchak. K., 1974. (In Russian).

Drevnyaya rossiyskaya vivliofika, izd. N.I. Novikovym [Ancient Russian vivliofika, ed. N.I. Novikov]. Chast' 6. Moscow, 1788. (In Russian).

Dukhovnyye i dogovornyye gramoty velikikh i udel'nykh knyazej XIV–XVI vv. [Spiritual and contractual acts of the great and appanage princes of the XIV–XVI centuries]. Moscow-Leningrad, 1950. (In Russian).

Zhivaya voda Nepryadvy: Bitva na Kulikovom pole v svidetel'stvakh sovremennikov i pamyati potomkov [Living water of Nepryadva: Battle on the Kulikovo field in the testimonies of contemporaries and the memory of descendants]. M., 2017. (In Russian).

Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod's first chronicle in the eldest and youngest of the annals]. Moscow-Leningrad, 1950. (In Russian).

Pomennik Vvedens'koj tserkvi v Blizhnikh Pecherakh Kiyev-Pechers'koj Lavri / Uporyadkuvannya ta vstupna stattya Oleksiya Kuz'muka [The commemoration book of the Vvedensky Church in the Near Pechery of the Kiev-Pechersk Lavra / Order of the Entry Article of Oleksiy Kuzmuk] // Lavr'skij al'manakh. Vip. 18. Kiev, 2007. (In Russian).

PSRL. T. 4. CH. 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis'. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. T 10. Letopisnyj sbornik, imenuyemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. T 11. Letopisnyj sbornik, imenuyemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. T. 15. Letopisnyj sbornik, imenuyemyj Tverskoyu letopis'yu. SPb, 1863. (In Russian).

PSRL. T. 15. Vyp. 1. Rogozhskij letopisets. Petrograd, 1922. (In Russian).

PSRL. T. 18. Simeonovskaya letopis'. Moscow, 2007. (In Russian).

PSRL. T. 32. Moscow, 1975. (In Russian).

PSRL. T. 34. Postnikovskij, Piskarevskij, Moskovskij i Bel'skij letopistsy. Moscow, 1978. (In Russian).

PSRL. T 35. Letopisi belorusko-litovskie. Moscow, 1980. (In Russian).

PSRL. T 40. Gustynskaya letopis'. St. Petersburg., 2003. (In Russian).

Troitskaya letopis' [Trinity Chronicle]. Moscow-Leningrad, 1950. (In Russian).

Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian historical library]. Vol. 6. SPb., 1880. (In Russian).

Lietuvos Metrika. Vilnius, 1998 kn 3.

Lietuvos Metrika. Vilnius, 2007. kn 6.

Maciej Strykowski. Kronika polska, litewska, žmódzka i wszystkiej Rusi [Polish, Lithuanian, Żmódzka and all Rus' chronicles]. Warszawa, 1846. Vol. II. (In Polish).

Researches:

Azbelev. S.N. Ob uchastii novgorodtsev v Kulikovskoj bitve [About the participation of Novgorodians in the Battle of Kulikovo] // Istoricheskij Format 2016. № 4. (In Russian).

Aleksandrov D.N. Feodal'naya razdroblennost' Rusi [Feudal fragmentation of Russia]. Moscow, 2001. (In Russian).

Bespalov R.A. Bitva koalitsii feodalov Verkhnego Pooch'ya s khanom Kujdadatom osen'yu 1424 goda [The battle of the coalition of feudal lords of Upper Poochye with the khan Kuidadat in the autumn of 1424] // Verkhneye Podon'ye: Arkheologiya. Istoriya. Tula, 2009. Vyp. 4. (In Russian).

Gorskij A.A. Bryanskoye knyazhestvo v politicheskoy zhizni Vostochnoj Yevropy (konets XIII — nachalo XV vv.) [Bryansk principality in the political life of Eastern Europe (late XIII — early XV centuries)]. // Srednevekovaya Rus'. Vyp. 1. Moscow, 1996. (In Russian).

Guletskij D.V., Petrunin K.M. Russkiye monety 1353–1533. Katalog [Russian coins 1353–1533. Catalog]. Minsk, 2013. (In Russian).

Yegorov V.L. Istoricheskaya geografiya Zolotoj ordy v XIII–XIV vv. [The historical geography of the Golden Horde in the XIII–XIV centuries]. Moscow, 2009. (In Russian).

Zhuravel' A.V. Aki molniya v den' dozhdy [Like a lightning on a rain day]. Moscow, 2010. Kn. 1: Kulikovskaya bitva i yeye sled v istorii. (In Russian).

Klimovs'kij S. Kii'vs'ki moneti Volodimira Ol'gerdovicha: prioritet politiki chi yekonomiki [Kyiv coins of Volodymyr Olherdovych: priority of politics or economy] // Ístoriko-geografichni doslídzhennya v Ukraíni. Zbírnik naukovikh prats'. Kii', 2007. Vip. 10. (In Russian).

Kozubovs'kij G.A. Do khronologii' karbuвання monet Volodimira Ol'gerdovicha (1362–1394) [To the chronology of minting coins of Vladimir Olgerdovich (1362–1394)] // Arkheologiya. 2016. № 4. (In Ukrainian).

Kuz'min A.G. Ryazanskoye letopisaniye. Svedeniya letopisej o Ryazani i Murome do serediny XVI veka [Ryazan annals. Information from the annals of Ryazan and Murom until the middle of the XVI century]. Moscow, 1965. (In Russian).

Litskevich A.U. Dagavory pamizh knyaziami VKL, nobilyami Zhamoytsi i pradstaínikami Teutonskaga ordena u Prusii i Livonii (1367–1398 gg.) [Treaties between the princes of the Grand Duchy of Lithuania, the nobles of Samogitia and the representatives of the Teutonic Order in Prussia and Livonia (1367–1398)] // Arche. 2010, № 10 (Grunval'dskii numar). (In Ukrainian).

Litskevich O. Russkiye letopisnyye istochniki «Letopista velikikh knyazey litovskikh» [Russian annalistic sources of the “Chronicler of the Grand Dukes of Lithuania”]. // Bialoruskie Zeszyty Historyczne. Belestok, 2017. (In Russian).

Mikhaylov'skiy V. Yelastichna spil'nota. Podil's'ka shlyakhta v drugij polovini XIV-70-kh rokakh XVI st [Elastic community. Podolsk' gentry in the second half of the XIV-70s of the XVI century]. Kiyev, 2012. (In Ukrainian).

Molchanovskij N. Ocherk izvestij o Podol'skoj zemle do 1434 goda [Essay on the chronicles of Podolsk land until 1434]. Kiyev, 1885. (In Russian).

Odnorozhenko O.A. Rus'ki korolivs'ki, gospodars'ki ta knyazivs'ki pechatki XIII–XVI st. [Seals of Russian kings, masters and princes of the XIII–XVI centuries]. Kharkiv, 2009. (In Ukrainian).

Paraska P.F. Vneshnepolitieskiye usloviya obrazovaniya Moldavskogo feodal'nogo gosudarstva [Foreign policy conditions for the formation of the Moldavian feudal state]. Kishinev, 1981.

Polekhov S.V. Letopisnaya «Povest' o Podol'ye». CH. 1 [Chronicle of “The Tale of Podolia”. Part 1] // Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki. 2014. № 1. (In Russian).

Polekhov S.V. Letopisnaya «Povest' o Podol'ye». CH. 2 [Chronicle of “The Tale of Podolia”. Part 2] // Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki. 2014. № 2 (56). (In Russian).

Temushev V.N. K voprosu o moskovsko-litovskoj granitse v XV v. (vladeniya knyazey Kroshinskikh) [On the question of the Moscow-Lithuanian border of the XV century (possessions of the princes Kroshinsky)] // Ruthenica. VI. Kiyev, 2007. (In Russian).

Tikhomirov M.N. Spisok russkikh gorodov dal'nikh i blizhnikh. Istoricheskiye zapiski [List of Russian cities far and near. Historical notes]. Vol. 40. Moscow, 1952. (In Russian).

Cherkas B.V. Pokhod Toktamyscha na Kiyevskoye knyazhestvo v 1380 godu [Toktamysch' Campaign to the Principality of Kiev in 1380] // Voennoye delo Zolotoy Ordy: problemy i perspektivy izucheniya. Kazan', 2011. (In Russian).

Chorniy O.V. Ístorichna geografiya Pravoberezhnoi Ukraíni seredini KHÍV stolittya v kontekstí bitvi na Sinikh Vodakh [Historical Geography of Right-Bank Ukraine in the Middle of the Fourteenth Century in the Context of the Battle of Blue Waters] // Naukoví zapiski. Seriya: Ístorichni nauki. Vip. 20: Sin'ovods'ka bitva 1362 roku v kontekstí istorii' Skhidnoi' Évropi. Kirovogra, 2014.

Shabul'do F.M. Zemli Yugo-Zapadnoy Rusi v sostave Velikogo knyazhestva Litovskogo [Lands of South-Western Russia as part of the Grand Duchy of Lithuania]. Kiev, 1987. (In Russian).

Kuczyński S. M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy [Chernihiv-Siewierz lands under the rule of Lithuania] // Pratsi Ukraïns'kogo Naukovogo Ínstitutu. Vol. 33. Warszawa, 1936. (In Polish).

Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku [Lithuanian-Russian princes since the end of the fourteenth century]. Warszawa, 1895. (In Polish).

About the authors

Babenko Aleksey A., chief engineer of Aervan-South LLC, Rostov-on-Don (Russia).
Research interests: genealogy of the Russian and Lithuanian nobility of the XI–XVI centuries.
E-mail: alexios@bk.ru

Komarov Oleg V., member of the Problem Council at the State Historical Museum, Moscow (Russia). Research interests: Russian military history of the 11th — 16th centuries.
E-mail: oleggg888@yandex.ru